

ЭДУАРД МАРКОВИЧ КОРПАЧЕВ.
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ «ЮНГА С БРОНЕКАТЕРА»

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СНЫ

1

Самым кощунственным показалось Олегу, едва проснулся он и с тревогой подумал о нынешнем прощальном дне, что приснившийся ночью родной Ленинград, школа на Курляндской улице и как идут они с ребятами узкими тротуарами, сворачивают в сводчатые подъезды, как взбегают по лестницам, рождающим каменный ропот, как стучатся в каждую дверь и спрашивают, нет ли каких-нибудь старых газет и бумаги, — будто и не было ничего этого в довоенной ленинградской жизни. А все потому, что он уже привык за два военных года к костромской земле, к станции Николо-Полома, приютившей эвакуированных ленинградцев. И вот, уже окончательно проснувшись, Олег снова вспомнил о том дне, когда с мальчишками шли они на поиски бумаги, точно на поиски сокровищ. Ему, Олегу, удалось больше всех раздобыть макулатуры, и, когда кто-то из мальчишек позавидовал ему и сказал обидные слова, будто Ольховский умеет клянчить, он приотстал от ребят и без колебания вывалил в окно лестничного пролета тугу набитое в сетку бумажное добро. А когда сбежал во двор, все ребята стояли с задранными головами: был ветер, и бумажная стая долго носилась в каменном, замкнутом с четырех сторон пространстве, отдельные листы льнули к окнам, словно искали свои прежние жилища, а потом опять соскальзывали и реяли над орущими мальчишками, которые так восхищены были внезапным бумажным десантом.

Образ довоенного Ленинграда был прочен в памяти, и таким же довоенным ленинградцем вставал перед глазами отец — механик торгового порта. Как ждал Олег возвращения отца из заграничного плавания! Обычно они всей семьей задолго приходили в порт, с нетерпением взглядывались в морскую даль. Олег узнавал отца еще на трапе — высокого, с его едва уловимой, едва выдаваемой сомкнутыми губами улыбкой. Как хорошо было потом держать в своей руке отцовскую руку, дубленную морскими ветрами!

И вот сейчас, расхаживая по комнате, он думал, что наконец-то наступил этот день, и он отправляется в дальнюю дорогу, в город Баку, в школу юнг. И как было бы хорошо на прощанье повидаться с отцом, который плавает на Волге, на одном из катеров военной флотилии.

Повеселившись от этой мысли Олег бесцельно перекладывал скучные свои вещички, вспоминал, как вчера притрагивалась к ним мама такими особенными, ласковыми движениями. И смотрела на него печально, и он не понимал ее скорбного взгляда, потому что не на войну ведь ехал, а в школу юнг, и ехал не один: их тридцать отобрали, выносливых, годных к морской службе, и каждому, как ему, тридцать лет.

За ним серьезно и печально следили младшие брат и сестра — Генка и Лида. И чтобы не показывать Генке и Лиде свою радость, он высунулся в окно, за которым шелестели деревья в майской салатовой зелени.

А потом раскрыл старую конфетную коробку, где хранились фотографии, и словно бы опять оказался в своем любимом Ленинграде. И словно ожила немногого пожелтевшая фотография, которая напоминала ему об одном из самых прекрасных впечатлений раннего детства. Сделана была фотография где-то в немецких морских водах, на борту советского судна «Пионер», в таком далеком тысяча девятьсот тридцать пятом году. Членам экипажа торгового судна «Пионер», следовавшего в немецкий порт Гамбург, было разрешено взять в рейс своих детей, и вот он, Олег, оказался на борту, в компании своих сверстников, и если не верите, то глядите: их трое на палубе, и день солнечный, а заштилевшее море лежит за леерным ограждением такое неохватное. Здесь, на палубе, где видны канаты и спасательный круг, Олег стоит в сандалиях, в черном берете, в белоснежной матроске, белоснежных коротких штанах и шваброй как бы попирает палубу; мальчик рядом с ним сидит на трубе, сощурившись, наклонив

голову, сцепив ладони, а девочка тоже держит в руках швабру, но наклонилась так низко, точно хочет подтянуть на ногах носочки. Помнится, когда фотограф убрал свой аппарат на длинном ремешке, вся компания вышла из оцепенения, окружила фотографа. Еще несколько дней путешествия прошло, как вдруг однажды фотограф показал им влажный еще снимок, липнущий к пальцам, и каждый узнал себя.

Теперь, в мае сорок третьего года, Олег совсем по-иному переживал тот день далекого, раннего детства и так завидовал мальчишке с белесой челкой, выглядывавшей из-под черного берета.

2

Когда мама, пришедшая из интерната, где она работала, посмотрела на него обеспокоенными глазами и попросила всех: «Ну, присядем на дорогу», — показалось Олегу, что вместе с ними присел и отец.

И не было в том ничего удивительного.

Письма от отца приходили часто, и заучивал их Олег наизусть, и стоило мысленно произнести отцовские строчки — и вот уже рядом звучит отцовский голос, и словно приходит он домой, и звучит его родной голос, и был вкусен табачный дым! Хорошо понимал Олег, когда видел задумчивость на мамином лице, о ком она думает сейчас, с кем ведет безмолвный разговор и кто помогает ей в эту минуту сохранять надежду.

Мама, мама! Я знаю, об отце ты думала вчера и позавчера, как думал о нем и я. Тебе легче жить с этой думой. Ты поднимаешься спозаранку, я слышу, как чиркает спичка, как потрескивает причерствевший фитилек, потом кружка с бульканьем уходит в полное ведро, вода постукивает дождиком о таз. Ты вздыхаешь, опять чиркаешь спичкой. Из печи потянуло дымом, шуршат картофельные очистки, выползая из-под ножа, — значит, сытным будет день, и ты можешь без всякой тревоги идти из нашей семьи в другую семью. В той, другой семье, в интернате, у тебя много детей — осиротевших, эвакуированных из нашего Ленинграда, и ты готова отдать им все, чтобы хоть немного напомнить ребятам их матерей. Мне страшно за тебя порою, мама, и мне кажется, что ты не выдержишь. И когда я гляжу на тебя, такую упорную, то и сам хочу сделать что-нибудь невозможное. И я учусь, я хорошо учусь в школе, теперь почему-то легче и охотнее мне учиться.

Но однажды ты все же не выдерживаешь, у тебя сдает сердце. Я бегаю к тебе в больницу, приношу тебе тот школьный сахар, что удалось мне сберечь за неделю, — он тебе так нужен теперь, говорят врачи. В больнице я тебе читаю новое письмо от отца, читаю, почти не глядя на листок, — и это письмо, которое для нас дороже хлеба, дороже сахара, возвращает тебе силы.

Вдруг проносится слух о наборе в школу юнг, все мальчишки поселка носятся со справками, всех охватила какая-то счастливая лихорадка, но только тридцать отбирают врачи, только тридцать годны к морской службе. И вот сегодня я уезжаю. Кажется, ты понимаешь мое нетерпение, ты говоришь просительно: — Ну, посидим на дорогу. Мы садимся — ты, Генка, Лида и я, а вместе с нами садится и отец, чтоб всем нам легче было прощаться.

3

И все-таки, едва они вышли, почувствовал Олег, как нелегко ему расставаться с домом, как хочется обернуться еще раз, взглянуть на эту хоженую тропку, по которой брат любил гонять проволочной держалкой железное колесо. Оно звенело, пело под держалкой, это колесо. И вот теперь Олегу хотелось сказать, чтоб Генка поменьше дурачился, пора ему становиться взрослым, но каждый раз, когда смотрел он на брата, тот отвечал влюбленным взглядом, и Олег думал: ну и пусть гоняет колесо, пусть всю войну подовоенному звенит и поет под всеми окнами бегущее колесо... А на станции уже была суматоха. Матери смотрели на своих юнг страдальческими глазами, готовы были броситься к ним и прижать покрепче их головы, бредящие морем. Мальчишки переглядывались, браво кивали друг другу дружке. В грохоте и шипении подошедшего состава потонули громкие голоса матерей, исступленный крик, чей-то

всхлип. И вот, когда уже из вагона увидел он маму с Лидой на руках и Генку, увидел других матерей, плачущих, приникших к запыленным телам вагонов, вспомнил, что так же прощались женщины с солдатами, которых ждали бои и неизвестность, и лишь теперь понял, глубоко понял печаль маминых глаз, их крик, их мольбу вернуться, вернуться, вернуться...

Станция с женщинами начала отодвигаться, и Олег стал часто махать из окна рукой, а рядом махали другие ребята, и казалось, что это трепещут белые крылья птиц.

БЕСКОЗЫРКА

1

Они ехали, а потом плыли, и здесь, на палубе, каждый уже чувствовал себя чуточку матросом, каждый хотел постоять в рубке или в машинном отделении, а Олег с нетерпением ожидал остановок, сходил на берег и у речников спрашивал про Ольховского Петра Ефимовича из военной флотилии. Только номер полевой почты был известен Олегу, а где, на каком судне ходит отец, в каком порту швартуется — ничего этого он не знал, но ведь Волга — это не море, здесь труднее разминуться.

Каждый хочет иметь отца-героя, необыкновенного человека, а у него, Олега, отец действительно был необыкновенным человеком, который не раз бороздил дальние моря, участвовал в спасении экспедиции Умберто Нобиле. Олег твердо помнит торжественные слова, начертанные в грамоте: «...отмечая Ваше непосредственное участие в героическом деле по спасению экипажа дирижабля «Италия», а также команды и пассажиров потерпевшего аварию парохода «Монте-Сервантес»...». Каждый раз замирало сердце Олега, когда брал он отцовскую грамоту в руки. Как волновали названия: дирижабль «Италия», пароход «Монте-Сервантес»! Он представлял себя в ледяном безмолвии, он тоже замерзал и погибал от голода и, оглядывая больными от ломкого арктического света глазами безжизненные горизонты, заносил обмороженной рукой последние записи в бортовой журнал. Или, наоборот, выводил всю экспедицию из белой неволи навстречу крошащим льды «Красину» и «Малыгину».

Чем ниже по Волге, тем шире открывались берега, и в ясную погоду на голубую воду ложились темные тени бакланов и чаек, а то и тень пролетающего самолета.

Олег следил за самолетами, стремящимися туда, в сторону фронта.

В дождливый серый денек, когда остановился пароход в Саратове, отпросился Олег на берег и пошел по причалу, уже не надеясь на встречу.

Он остановился у причала, где замерли на воде продолговатые, узкие силуэты катеров.

— Может, поесть чего хочешь, пацан? — окликнул его вахтенный.

— Нет, я так. Я с парохода, нам дальше...

— Тогда зачем тут? Не положено.

Олег пожал плечами, повернулся было уходить, но по привычке сказал:

— Отца ищу. На Волге он. Ольховский. Может, слыхали?

— Ольховский? — живо отозвался вахтенный. — Петр Ефимович?

— Ну да! — поразился Олег. — Ну да, Петр Ефимович!

— Так он у нас, — как будто удивился и вахтенный. — Хотя, может быть, просто совпадение. Ты стой-ка, я сейчас!

И для Олега словно бы начался какой-то сон среди бела дня, какое-то наваждение, и Олег оцепенело следил, как поднимается из кубрика отец, как идет навстречу, бросается вдруг и охватывает леера — такой близкий, такой прежний, такой родной отец.

— Алька! — крикнул отец, и голос этот пробудил Олега.

И когда бросили с катера на берег трап, оба метнулись навстречу и столкнулись на середине трапа. Олег уткнулся в жесткое сукно отцовской одежды. Сильные руки приподняли его и перенесли на палубу.

Еще не было сказано толком ни слова, еще какие-то сдавленные восклицания родили их онемевшие рты, а уже успел подумать Олег, что вот и конец его пути, что никуда он дальше не поедет, а будет рядом с отцом бить фашистов.

— Ну, ну! — срывающимся голосом произнес отец, снова привлекая его к себе. — Какой ты, Алька! Какой ты у меня, Алька!

2

Высокий белокурый лейтенант, очень молодой, с юношески свежим лицом, командир катера Игорь Алексеевич Чернозубов как бы сразу понял молчаливую просьбу Олега, понял взгляд умоляющих его глаз и тотчас сошел на берег, кому-то доложил, кого-то упросил, чтоб дозволено было сыну остаться при отце. Фантастическим был этот день, и Олег все глядел на отца и гладил его суконный рукав с шевронами, все спрашивал растроганно:

— Ну как ты, папка? Ну как воюешь? Ты говори!

Он так просил отца непрестанно, потому что отец непрестанно просил рассказывать о доме, о маме, о брате и сестре, и они комкано, восторженными и случайными словами отвечали, пока отец не удостоверился, что все живы и невредимы. А потом уже спокойнее, глядя вприщур на раз дающуюся с каждой милей Волгу, говорил о том, как ходят тральщики и вылавливают притаившуюся смерть, и Олег ясно представлял эти походы — и ночью и днем, и открывалось ему опасное отцово дело нынешних дней, и невольно припоминалась и звучала торжественная строчка из довоенной грамоты: «...отмечая Ваше непосредственное участие в героическом деле...».

Когда отец спускался в машинное отделение, Олег шел следом и смотрел на все жадно. Он верил, что отец понимает металлическую речь мотора и может любую неисправность обнаружить!

А в рулевой рубке Олег оробело посматривал на приборы, на штурвал, и с замиранием сердца он представлял себя за этим штурвалом...

— Хочется у нас служить? — угадал командир его желание.

— Еще бы! — вырвалось у него. — Ведь отец мой тут.

— Тогда считай себя юнгой, — сказал ему командир, и по голосу его понял Олег, что это еще не все, что готовится для него какая-то неожиданность.

Он уже начал кое о чем догадываться, когда кто-то из матросов подошел к нему и, как портной, измерил бечевкой его плечи, рукав и рост.

И какая радость была для него, когда уже около Сталинграда кликнули его в кубрик, приказали сбросить штатское барахлишко и надеть тельняшку, флотские брюки с широким ремнем, бескозырку!

Ах, бескозырка! Над тобою носились волжские ветры, плыла над тобою гарь, была не раз ты купана в воде, и будут опять носиться волжские ветры над тобой, будет плыть копоть пожарищ, будут пули свистеть... Все может быть, если плавать отныне сыну моряка и самому становиться моряком!

В этой форме, так удобно охватившей его тело, вышел он на палубу встречать приближающийся Сталинград. Камни, камни, камни — вот что осталось от города, и Олег с помрачневшим лицом думал о том, как сражались за этот город наши, как падали и поднимались вновь, чтоб отстоять израненную эту твердыню...

3

Недолго пришлось Олегу служить на борту тральщика. Вскоре перевели отца механиком четвертого отряда бронекатеров, а Чернозубова направили в тот же отряд командиром БК-92.

И вот опять они вышли на Волгу, и солнце осветило защищенное броней продолговатое тело катера с пулеметами и пушкой. Бронекатера, эти небольшие боевые корабли, обычно поддерживали с реки продвижение красноармейских войск, делали внезапные рейды в тыл врага, перебрасывали десантников.

Олег стоял в рулевой рубке рядом с Чернозубовым и командиром отделения рулевых боцманом Палаженко, слушал боцмана, оглядывая в смотровую щель фарватер, закипающие на голубой воде белые гребешки. Уже не первый день изучал Олег матросскую науку и запоминал все премудрости рулевого дела, старался понять, как удается определить правильный, точный курс, и сам, трепетно кладя руки на штурвал, стремился быть верным чутью и приборам...

А в этот день, когда сияли и солнце и зажженная им вода, когда сам воздух был светоносен, Олег как бы впервые почувствовал важность всего, что делал он, чему учился на борту боевого катера.

Еще с побудки, когда катерный колокол отбил утренние склянки, когда левофланговым стоял Олег в строю и держал равнение на восходящий флаг, золотившийся на солнце, он почувствовал, что нынешний день будет щедр к нему.

И щелкал флаг на встречном ветру, и россыпью самоцветов привораживала вода. Олег смотрел из рубки на волжскую воду, а временами ему разрешали брать штурвал и вести катер. И хотя лишь на мгновение касался он штурвала, потому что пока учился на рулевого, пламенели в эти мгновения его щеки, и ему хотелось крикнуть из рубки: «Глянь, пап, это я веду боевой корабль!»

А когда Олег вышел с флагами на палубу, отец был поблизости и придирчиво следил за тем, как осваивает он флаговый семафор.

— Идем вниз по Волге, в сторону Астрахани. Бронекатеру поручено отрабатывать боевые задачи.

Вся команда находится в полной боевой готовности, — чеканно произносил отец. Олег тут же повторял эти слова на особом, флагном языке и так хотел поспеть за отцом! И все-таки не поспел, и флаги плачевно повисли в его руках.

— Да разве я смогу шестьдесят знаков в минуту? — раздосадовано спросил он у отца.

— Шестьдесят — это самое малое. Сигнальщик должен передавать семьдесят восемьдесят. Настоящий сигнальщик, конечно.

— Ну что ж, — вздохнул Олег, — попробуем! И снова зашуршали мелькающие флаги. А потом, оставив флаги, Олег сошел в артиллерийскую башню к комендору Насырову; тот улыбнулся юнге, отчего на суховатом татарском лице его обозначились мгновенные морщинки и резче выступила горбинка носа.

— Заряжай! — подал команду комендор, отгадав его желание, и Олег, как и в прежние дни, когда готовил комендора его в заряжающие, быстро взял тяжелый снаряд и послал в орудие.

4

В эти майские погожие дни, когда он учился воевать, иногда причаливал катер к берегу, собирались моряки в кубрике, и так любил Олег эти сборища, так любил слушать разные истории, веселые и грустные, и всегда отец как бы находился в центре, для всех он был немножко отцом.

Отца знали на всех катерах, потому что он, механик отряда катеров, успевал побывать и на остальных боевых кораблях, но все-таки дом его был здесь, на борту БК-92, и Олег, наблюдая в кубрике за отцом, заново переживал неслыханное счастье своей встречи с ним. Да, ведь мог он в Саратове не ответить на оклик вахтенного...

Олег уже знал, что командир Чернозубов не успел окончить Черноморское военно-морское училище, что выпустили их досрочно; и знал также, что ордена свои комендор Насыров получил за героическую оборону Одессы и Сталинграда. И не только ему, юнге, интересно было услышать это, но и тем, кто сам воевал, — и мотористу Григоранти и матросу Декину. И с не меньшей охотой слушали они рассказы Олегова отца о мирных походах. И Олег вместе со всеми вспоминал довоенную жизнь, грустил по ней, вместе со всеми вздыхал или затаивал вздох, вместе со всеми и смеялся, если рулевой Тихонов, угрюмый, медлительный в речи и в мыслях, вдруг произносил:

— Ребя, а я ведь это... плавать не умею.

Очень смешно было слышать от Тихонова такое здесь, на большой реке, очень смешным и невероятным казалось это и потому, что ведь и раньше, до войны, ходил Тихонов на буксире по сибирским рекам...

«Ты, мама, не беспокойся, мы с отцом, мы вместе, а кругом такие надежные люди! Хорошие люди, мама».

ЗИМНЯЯ РЕКА

1

Все время; пока неслась мимо Россия, пока поезд, оставлявший позади руины освобожденных городов, своим стремительным движением рождал ветер и срывал с деревьев последние, сиротливые листья, — все время напряженно думал Олег о том, что вот и едет он на фронт. И колеса ему говорили о том же: «На фронт! На фронт!».

И он вспоминал, как все это лето учился на Волге воевать. Олег жил ощущением предстоящих боев, как жили этим все моряки, просыпавшиеся каждое утро от удара колокола с гнетущим сознанием того, что враг пока на нашей земле. И хотя все ждали боев, все-таки словно бы внезапным был приказ гвардейскому дивизиону катеров: грузить боевые корабли на платформы.

И пока железная дорога несла десятки катеров на запад, на фронт, на отвоеванные реки, он все смотрел на проносиившиеся мимо израненные города. И вспоминалась часто чистенькая, опрятная, босая девочка, которая на каком-то полустанке вышла к составу с корзиной яблок и всем их предлагала: «Меняю на соль. Меняю». Все не забывалось ее чириканье: «Соли нет? Соли нет?» И думалось о ней, о девочке, и о войне, и о доме, обо всем...

И когда уже на воде, уже на Десне, открывавшей катерам свои плесы, командир Чернозубов спросил у него, о чем он так упорно размышляет, Олег так и ответил:

— Обо всем, — и тут же почувствовал, как повзрослел он в этой дороге, проходившей там, где совсем недавно был фронт.

Он уже самостоятельно стоял за штурвалом, неотрывно следил за фарватером. Уже не первый день продвигались по обмелевшей реке замедленным ходом катера, и можно было час и другой видеть один и тот же берег, одну и ту же скучную, облетевшую иву, одну и ту же хатку. Вот и теперь с головного катера понесся тревожный сигнал флагжками: внимание, глубина течения — полметра!

Но катера одолевали перекаты и вчера и позавчера, и не могло быть непреодолимых пядей мелководья для боевых кораблей, крещенных огнем на Волге и теперь принадлежащих формируемой вновь Днепровской военной флотилии.

А моряки головного катера уже высадились на берег. Вскоре они вернулись вместе с рокочущим трактором, и Олег понял, что будут тралить катера и что надо опять раздеваться, лезть в воду.

Он разделся, и пряжка ремня отчетливо звякнула о палубу.

В студеной воде по пояс он потащил укрепленный на носу катера, напряженно провисающий трос к берегу, слушая, как надрывно ревет трактор, помогая пройти перекат головному катеру.

Трос был связью двух машин, трос этот Олег укрепил на дубовом стволе и протянул дальше, к успокоившемуся на миг трактору, и вскоре опять рассерженный рев понесся над голыми ивняками, над обеспокоенной Десной, напоминая берегам и далям недавний военный грохот и лязг.

Дрожа от холода и ощущая, как обсыхает и словно стягивается на ветру кожа, он замирал, когда трактор, казалось, вот-вот истощится в невыносимом своем рокоте, и вздыхал с облегчением, когда замечал медленное, осторожное движение катера БК-92 по мелководью. Уже в одежде, весь легкий, точно похудевший, он вошел в рубку, чтобы занять свое место и медленно править катер на новые плесы, но командир приказал:

— В кубрик, юнга! Обогреться, обсохнуть!
— Вы думаете, я простужусь, товарищ лейтенант?
— В кубрик, юнга!

И он побрел в кубрик и уже оттуда следил в иллюминатор за степенным ходом своего катера, за вспыхающим кильватерным следом головного катера, за берегами, которые нехотя оставались позади. Пустынно выглядели берега, не кружили птицы, и всюду были заметны следы недавнего боя: то гусеничный распластанный трак, то снарядная гильза, лишенная грозной своей начинки, то узкая чужая каска, обгорелые деревья и остылые печи.

Он так пристально смотрел окрест, где недавно гремели бои, что уже вечером, в сумерках, когда поганенными огнями пристали катера к берегу переждать ночь, померещилась ему отдаленная канонада. И он долго сидел, обернувшись туда, где ухали пушки, где на небосклоне вспыхивали зарницы пожаров, и думал о том, что их боевые корабли тоже скоро будут в пекле сражений. Еще все впереди: и канонада, и бои, и самое страшное...

2

Шли к Чернигову, шли навстречу зиме, и когда летел косой снег над катерами, вмерзшими в лед неподалеку от Чернигова, в затоне села Вибли, то было похоже, что катера стремятся вперед сквозь мотыльковый снег, сквозь колод и зиму.

— Подъе-ом! — раздался высокий голос вахтенного, и Олег услышал, как в классах сельской школы загремели каблуки спешащих моряков. Он быстро проглотил завтрак, выбежал на школьный двор, в голубеющее утро, а тут уже кто-то из моряков подтягивался на турнике на красных напряженных руках. Но вот прозвучала команда построиться, он занял свое место на левом фланге — и шагом марш по деревенской оснеженной улице, встречающей пустынностью своей, в конец села, на берег Десны, слившейся с безбрежным белым простором и словно бы переставшей быть рекой.

Странный порт открылся взгляду, странные корабли с одинокими вахтенными! На белом поле реки — черные силуэты, броня, стволы пушек и пулеметов, и все это молчит, все это сковано льдом, и даже издали можно представить, как обожжет голую руку леерное ограждение, едва коснешься его... Уснувший порт, уснувшие корабли!

Но такой, впаянный в лед, впавший в долгую неподвижность, родной БК-92 принимал моряков на остуженную, скользкую свою палубу. Каждый день занимали на нем моряки свои боевые места. Шаги моряков пробудили бронекатер, и слышал Олег, как погромыхивает палуба, как что-то позвякивает в кубрике; а потом он вошел в рулевую рубку, где все так знакомо было — и столик для сигнальных флагков и штурвал.

— Куда курс держим, юнга? — спросил, входя в рубку, командир. — По Десне или по Днепру?

— Там, где наши воюют.
— Тогда — боевая тревога!

И тут же заголосила сирена, и все заняли свои боевые места.

Олег, как и положено ему по боевому расписанию, встал в боевой рубке, приник к затыльнику турельного пулемета. Сейчас начнется, сейчас устремится на врага кораблик, сейчас задрожит в огневом припадке пулемет!

Загнав диск в пулемет, он выбрал цель и застрочил по безропотному берегу — и словно внезапный вихрь прошелся по омертвевшим кустарникам, и взлетели кверху граненые ледяные осколки.

— Как твое оружие тут? Полный порядок? — спросил, просунувшись в рубку, Насыров.

И когда под ловкими пальцами Олега распался пулемет на составные части, сверкнувшие золотистой смазкой, а затем вновь приобрел боевой, законченный вид, Насыров заметил:

— С открытыми глазами легко. А если так?

И Олег ощущал, как повязка легла ему на глаза. Труднее было собрать вот так, на ощупь, но пальцы привычно находили то, что нужно, ставили туда, куда нужно.

— Теперь я верю, что можешь и ночью собрать, — серьезно заметил Насыров, снимая повязку.

А он, тихий, побледневший от света, хлынувшего отовсюду, молча вытирал испачканные пальцы...

Нет, не уснул, не оцепенел бронекатер, он только занял удобную, зимнюю позицию и ждет пробуждения Десны, ледохода, большой, глубокой воды...

3

Как обрадовался и взволновался Олег, когда командир Чернозубов сказал, что берет он юнгу на дальний хутор! По данным разведки на хуторе скрываются бандиты.

Олег вскочил в розвальни, ударившись коленкой о чей-то автомат, удобно поджал ноги и слегка повалился на Чернозубова, как только тронула с места вороная лошадь.

Летели из-под копыт и стучали о передок саней снежные комья, лица моряков побелели от снега.

— Далеко еще, Игорь Алексеевич?

Командир промолчал. Но Олег уже представил и хутор и сильных, заросших бандитов.

Встал на пути перелесок, лошадь пошлатише мимо низких елей, на лапах которых заячьими шкурками лежал снег; и опять вскоре открылось раздолье белого поля, неохватного, простирающегося вплоть до небосклона. А там, вдали, под черным голым деревом, видна была темная хата с белой от снега крышей, и подымался из красной трубы белесый плотный дым...

Когда подъезжали к хутору, слышал Олег, как клацнули затворы оружия, почувствовал, как напряглись в санях люди, и сам выпрямился, стояв розвальнях на коленях и глядя пристально на темную хату, на белесый дым. Странное, околдовывающее молчание было здесь, на хуторе, среди чистого поля!

С розвальней еще на ходу соскочили люди, он тоже хотел спрыгнуть в рыхлый снег, но Чернозубов сунул ему в руки винтовку и коротко приказал:

— Оставайся здесь.

И он ждал, напряженно ждал выстрелов.

Он первым увидел бандитов и неосознанно как-то крикнул: «Стой! Стой!» — и даже выстрелил по нему, когда тот внезапно спрыгнул откуда-то с пристройки и, одетый в удобный коротенький кожушок, бросился через двор к хлеву.

Олег метнулся вслед, но его опередили моряки, выскочившие из хаты и тут же преодолевшие плетень, едва заметный из-под глубокого снега.

Там, на заснеженном огороде, слышны были голоса погони, крики, но выстрелов не было.

Он подумал, что долго бежать по рыхлому снегу бандитов не сможет и что его все равно схватят. Вот не слышно выстрелов — значит, не хотят стрелять, хотят взять живьем.

Он даже подбежал к плетню, чтобы лучше видеть погоню, и разглядел, как бандитов прыгнули в какой-то овражек, за ним покатились моряки, а бандитов ловко выбрался из овражка и устремился сюда, к хутору, к дому.

— Стой! — крикнул Олег, прицеливаясь. Бандитов бежал прямо на него, Олег видел его красное лицо, распахнутый кожушок, и можно было стрелять, но только медлил Олег, потому что ведь и моряки не стреляли.

— Стой! — грозно крикнул он опять. — Стой! Но бандитов лез под дуло, и тут догадался Олег, что бандитам позарез нужно в хату, на чердак, где, наверное, осталось его оружие. И тогда Олег замер, приготовившись нажать на спуск.

Несколько метров отделяли бандитов от него, несколько метров отделяли бандита от смерти, как вдруг он заметил его, Олега, оружие в его руках, остановился и попятился. И тут на него сзади навалились моряки, скрутили ему руки, и Олег отвел приклад от щеки...

Когда некоторое время спустя втащили моряки в хату пойманного, когда разглядел Олег связанного, люто позыркивающего глазищами бандита, то убедился, что он совсем не такой, каким представлялся ему.

Этот связанный, не таящий ненависти бандеровец был брит, краснолиц, хорошо кормлен, в рыжем, почти нарядном кожушке и крепких валенках.

«А что у него там, на чердаке?» — подумал Олег, выскользнул в сенцы и быстро взобрался по стремянке наверх.

Карабин висел под стрехой, на гвозде; Олег снял его и поспешил в хату.

Как злобно глянул на него бандеровец, как подался он вперед, точно готовясь ухватить оружие!

ФРОНТ УЖЕ НА ПРИПЯТИ

1

С трудом верится в то, что недавно была зима, что по утрам надо было проламывать лед в ведре, что приходилось мерзнуть на вахте на неподвижном, заметаемом метелью катере, взглядываясь в пустынные дали, где возникали вдруг белые смерчи. Не верится, что еще совсем недавно цепенел катер, не верится потому, что уже весна, потому, что на облезлой, отощавшей земле изумрудными лезвиями проклонулась трава, река приняла полые воды, ив них потонули ее берега, и только по коричневым верхушкам кустарников можно угадать их. И вот идет по обильной воде бронекатер, а над ним летят дикие утки, отражаясь в бесконечном пространстве воды, роняя перья, и так удивительно, что летят дикие птицы в ту сторону, где гремит война.

Олега тянуло в эти дни на палубу, на свежий ветерок, на солнце, и он, закидывая голову, подолгу следил за полетом птиц. А на стоянках Олег брел куда-нибудь в лес, глотал, как воду, сырой и горьковатый воздух.

Особенно запомнился ему один денек, когда он, усталый от ходьбы, вдруг оказался в березовой рощице, вспомнил, как на станции Николо-Полома по весне пили они с мальчишками березовый сок, и осторожно проколол березу, нашел жестянку, вымыл ее в прозрачной воде и подставил под березовую слезу. Сам же вернулся к маленькому озерку, уже успокоившемуся, ставшему опять зеркальным, и в лесном этом зеркале Олег увидел себя. Да, он подрос за эту зиму, узкое лицо стало чуть шершавее, грубее, что ли, и серые глаза глядят взрослее. Эх, и не узнает мама после войны!

В весеннем, воспрянувшем лесу так откровенно, добро думалось о маме, о брате и сестре.

Когда жестянка наполнилась по край, он медленно поднес ко рту и выпил это чистое древесное вино.

Потом, уже на катере, он все возвращался мыслями в тот день, когда пил апрельскую целебную влагу, и улыбался своему воспоминанию.

Из Десны катера вышли в Днепр, поднялись вверх по Днепру, затем вышли в устье Припяти и на этой белорусской реке, невдалеке от города Мозыря, остановились. Дальше идти было некуда, дальше начинался фронт. Над катерами посвистывали пули, слышалась стрельба. Очень ждал Олег настоящих боев.

И однажды вызвали Чернозубова к командиру дивизиона катеров капитану третьего ранга Пескову. Со штабного катерка Чернозубов вернулся возбужденный, развернул в рулевой рубке карту, и Олега тут же пронзило: начинается, начинается!

— Дан такой приказ: выдвинуться в район села Птич, занять огневую позицию и обстрелять укрепления, — словно бы повторил Чернозубов слова старших своих командиров.

— Да ведь мы и так в районе села Птич! — вырвалось у Олега.

— Но мы должны выдвинуться вперед. И занять такую позицию, чтобы удобней вести огонь. Там у врага блиндажи, там у них огневые точки...

И через несколько минут катер стронулся и пошел, пошел. Олег встал рядом с рулевым Тихоновым, глядя в смотровую щель.

Когда остановились у берега, с которого открывался вид на Птич, командир быстро вышел на палубу, стал рассматривать в бинокль вражеские укрепления, а затем биноклем пошарил по сторонам, и Олег понял, что выискивает командир дерево или высотку, откуда удобнее наблюдать за селом. И Олег искательно заглянул командиру в глаза: «Вы меня пошлите, я быстро разведаю, где там у них штаб, где огневые точки...».

— Да, нужна разведка, — сказал Чернозубов, точно угадывая его просьбу. — Наугад палить не станем. Там же и наши люди...

Трое сбежали по сходням на берег и — где ползком, а где прячась в кустарнике — стали пробираться вперед, туда, где вставали высокие деревья, а Олег, раздосадованный, метнулся вслед за Насыровым в артиллерийскую башню и занял свое место у пушки.

Заработала в рубке рация, и откуда-то с высоты, с наблюдательного пункта, радиист Неволин стал передавать на катер сигналы...

И вот первый выстрел! Отбросив неостывшую гильзу, Олег протянул новый снаряд и стал ждать вместе с Насыровым, как оценят первый выстрел те, кому виднее сверку, с наблюдательного пункта. Хотя и отсюда заметно, что куст взрыва взметнулся именно там, на вражеской позиции.

— Ага! — только и воскликнул Насыров, выслушав по радио слова тех, кому виднее враг, и азартно как-то кивнул Олегу: подавай снаряд!

Руки Олега то ощущали тяжесть, то ощущали пустоту и снова — тяжесть, и снова — пустоту, и ожидаемые взрывы ловил он напряженным слухом, и всякий раз простое восклицание, которое слышал он от Насырова, как бы отзывалось и в нем: «Ага! Ага!» Ему хотелось и самому хоть один снаряд послать в цель, он готов был просить об этом Насырова, а комендор не замечал его требовательного взгляда.

Но вот уже фашисты засекли бронекатер и открыли ответный огонь, и теперь Олег желал одного: чтобы невредимыми вернулись из артразведки моряки. А как только трое наблюдателей оказались на палубе и бронекатер пошел, держась ближе к берегу, Олег восторженно взглянул на запыленное и словно бы потемневшее, словно бы в каком-то загаре лицо Чернозубова.

Ночью Олегу мерещились во сне взрывы, и он снова и снова подавал снаряды.

А на другой день, когда вновь катер занял боевую позицию и разведчики ушли корректировать огонь, случилось то, чего так желал Олег вчера.

Разрешил ему комендор сделать выстрел! Посланный его рукой снаряд выскочил из горячего пушечного жерла, молниеносно пролетел над бурой поймой, над первой зеленью, над щетиною кустиков, над исковерканной землей, пролетел и взорвался там, где надо.

2

Очень удачными были рейды БК-92, и метким был огонь пушки.

А впереди снова бои, потому что идет наступление на Первом Белорусском фронте, и поддерживают это наступление корабли Днепровской флотилии. И Олег гордился тем, что он юнга на одном из судов флотилии, которая знаменита еще с гражданской войны, с той поры, когда прославились экипажи канонерских лодок «Грозящий», «Могучий», «Губительный», «Геройский».

В минуту зтишья отец писал письмо на станцию Николо-Полома, и Олег, заглянув через отцовское плечо в исписанный спокойным почерком листок, прочитал о себе: «Аля понемногу занимается, славный паренек, серьезный, все его любят, это особенно хорошо. Сегодня он собирается вам написать...».

Олег подумал, что он уже написал домой, что вот и полетят на станцию Николо-Полома фронтовые письма, где указан один и тот же номер полевой почты: 87351. И там, в письме своем, он тоже говорит о своих занятиях в кубрике, о том, как попался Насырову в руки учебник географии за шестой класс и как стали они с комендором шелестеть страницами

учебника, друг друга спрашивать, друг другу отвечать. Напоминало все это Ленинград, школу на Курляндской улице. Должно быть, и нет уже многих из его школьных приятелей, не выдержали они жизни в холодном и голодном Ленинграде...

Он выбрался на палубу, облокотился о леера и, глядя вниз, на воду, задумался о прошлом, таком далеком, — о Ленинграде, о приятелях. И вдруг такою силою потянуло его туда, на улицы невского города, на эти освобожденные, так и не пустившие врага улицы.

Почувствовав, что за спиной у него кто-то стоит, он обернулся и заметил Насырова.

— Думаю, что скоро мы пойдем отсюда, — поделился с ним комендор. — Думаю, скоро...

— Вверх по Припяти, дядя Набиулла?

— Нет, вниз по Припяти, Алька. А там, наверное, по Березине. Думаю, что так...

— Отчего вниз по Приняти? Фронт ведь здесь!

— Это верно. Фронт здесь. А там будет самое главное наступление. Думаю, что так...

3

Прав был в своем предвидении Насыров, и весь дивизион катеров спешно перебрасывали на Березину, и бронекатера вспарывали еще не устоявшиеся в берегах воды Припяти, воды Днепра. Мимо зеленых берегов проходили катера, мимо сел и маленьких городов, и Олег, стоя в рулевой рубке БК-92, видел свежие следы недавних боев: остовы каменных домов, обгорелые, покрытые черной коростой стены деревянных домов. И всякий раз, когда видел Олег разрушенные города, развороченную, как тяжкой оспой, побитую землю, вспоминал с болью о Ленинграде. И верил, что выстоял его прекрасный город, если выстояли люди.

А повсюду была ранняя, светлая зелень, она словно бы замаскировала пожарища и руины. И поднимались над руинами тоже раненые, но зазеленевшие вновь деревья...

Эти маленькие белорусские города, в которых останавливались на короткий отрыв катера, нравились Олегу тишиной мощных улочек и невообразимо шумными базарами. Но особенно запомнился один маленький город, весь в яблоневых садах, который назывался Речица.

Он открылся на высоком берегу, зеленого подковой повторявшем изгиб Днепра; боевые катера подошли к пристани и остановились рядом со здешними буксирными катерами. Олег сразу полез в гору и оказался среди яблоневых садов и улицей меж этих садов пришел парк, и здесь, в парке на прибрежной возвышенности, произошла у него встреча с ровесником и земляком, которая помнилась и потом очень долго. На тощего мальчика с лицом бледным, словно бы еще не сливавшим с зимы, он обратил внимание потому, что тот очень упорно и приветливо рассматривал его, и Олег догадался, что понравились мальчику и бескозырка и широкий ремень со сверкающей бляхой. И, как бы глянув на себя со стороны, он отметил свое превосходство в этой черной форме юнги. Он почувствовал незнакомцу, его доброй зависти и, подойдя к нему, сказал покровительственно:

— Хороший ваш городок. И название мне нравится.

— Хороший, — блекло, рассеянно улыбнулся мальчишка. — Тут ягоды все лето, яблоки...

— А ты что, всю войну здесь прожил? Или партизанил?

— Нет, я из Ленинграда. А сюда недавно приехал. Здесь, говорят, все лето ягоды, яблоки...

— Ну, здравствуй! — вырвалось у Олега, и он протянул руку земляку и пожал его слабую руку, поглядел с восторгом в его бледное лицо. — Я ведь тоже ленинградский, мы оба оттуда...

И тут же спрашивать обо всем потянуло Олега: о блокаде, о страшных зимах, о жизни той недавней мучительной поры.

— Ну как ты там? — нетерпеливо спросил Олег. — зима, холод, обстрел... Наверное, и ходить не мог?

— Нет, отчего же, — возразил ленинградец. — Я ходил. Кому воду таскал с Невы. А то письма разносил. Правда, придешь иногда по адресу, а там уже никого нет... Один раз я занес письмо, а тут начался обстрел, меня и оставили ночевать. Дали кусочек свечки пожевать, я и уснул. А утром, когда проснулся, уже некого было поблагодарить за свечу: хозяйка померла. А письмо на столе лежало распечатанное...

Подавив вздох, мальчишка умолк, замкнулся, и Олегу так захотелось ободрить его!

Распрощавшись с ним, Олег поспешил на катер, но и потом, когда катер снова шел по Днепру, все вставал перед ним блокадный этот мальчик с бесстрастными глазами не отошедшего после голода человека, и Олег вспоминал тех своих школьных приятелей, которые тоже остались в Ленинграде среди людей, защищавших город и оружием и своим упорством. И теперь все встречные пристани и села Олег как бы отводил мальчику для его жизни, видел на берегу зелень садов и повторял для себя: «Здесь тоже все лето ягоды и яблоки.

ТРОФЕЙНЫЙ АВТОМАТ

1

Фронт был и там, на Припяти. Но главное наступление начиналось на Березине, и танки, и артиллерия, и бронекатера Днепровской флотилии рвались вперед, отвоевывая с боями каждую пядь земли, каждую пядь воды. Густой свинцовый ливень встретил наши катера у районного городка Паричи. Вражеские снаряды разрывались в воде, и засияла вся река от оглушенной, всплывшей на поверхность рыбы!

Фашисты заградительным огнем прикрывали свайную переправу, по которой вражеская техника спешила уйти от наступающих советских войск, и гвардейскому дивизиону катеров было поручено снести эту переправу, приостановить бегство фашистов.

Боевой корабль, маленькую бронированную крепость, огнем поливающую немцев, вел Олег, чутко прислушиваясь к приказам, и вражеские пули стучали о стальную броню рубки; Олег лишь щурился при дробных звуках пуль и напряженно следил за обстановкой на реке, за бронекатерами, идущими немного впереди.

Издалека уже была видна переправа, надежда отступающих немцев, и чем ближе к ней, тем яростнее хлестал с берега вражеский свинцовый ливень. Но и бронекатера отвечали смертоносным огнем.

И когда заметил Олег, что два наших катера внезапно остановились, словно застыли на воде, он подумал, каким нелегким и упорным будет бой, и еще подумал о том, что теперь надо бросить катер вперед — и пройти этот огненный заслон, и прорваться к переправе, и уничтожить ее. Тотчас же выстрелила пушка, Олег увидел пленку пламени, метнувшегося вслед за незримым снарядом и тут же сникшего. А по раненым катерам били, били с берега немецкие пулеметы...

— Дымовую завесу! — распорядился Чернозубов, и сразу же с палубы БК-92 бросили шашки, застлавшие реку, словно приземлившиеся тучи. И понял Олег, что в этой непроглядной наволочи они подойдут к ближнему раненому катеру и возьмут его на буксир.

Чернозубов отдал приказ выручать БК-14, который был особенно близок к вражескому берегу. Но и в черном этом тумане яростно свистели пули, стучали по броне...

Из черного тумана вышли в светлый, лишенный хмари день, и это уже было дальше от огня, ближе к своим позициям. Чернозубов отдал приказ швартоваться к БК-14, который тоже покачивался на воде и был открыт огню свирепеющих фашистов.

И вот, когда они уже почти подошли к БК-14 и оставалось только соединиться с ним надежным трапом, Олег увидел на берегу упряжку лошадей, тащивших пушку, увидел, как разворачивают орудие в сторону реки, и мгновенно оповестил Чернозубова.

Выстрел по берегу был удивительно точен: взрывная сила приподняла лошадей. Олег мстительно вскрикнул и подумал, что сейчас упадет навсегда в траву тяжелое, неспособное к бегу колесо пушки, а то, другое, тоже металлическое Генкино колесо, так памятно звучащее под гнутой держалкой, — то всегда будет катиться по траве, звучать и петь звонкую железную песнь каждую весну, каждую весну...

Опять дымовые шашки затмили плесы, и два соединенных бронекатера отошли под этим пологом к безопасному берегу, и опять все время, пока шли под дымовой завесой, гремел в ушах Олега неутихающий бой.

Не утихал бой у переправы, не уставали катера обстреливать протянувшуюся над водой дорогу, и вскоре БК-92 тоже вступил в бой.

— Смотри! — крикнул ему Чернозубов и показал на один из катеров, особенно близко продвинувшихся к переправе. Катер вел огонь из пушки и из пулеметов.

— Давайте и мы! — повернулся Олег к Чернозубову истомленное ожиданием решительной схватки лицо.

И командир ответил кивком: давай, Алька! Всюду гремело, охало, пришепетывало, отрывисто стенало, рвалось, и казалось, не могли уцелеть бронекатера в этом аду, но бронекатера жили и воевали. И переправа тоже не исчезала, все так же лежало ее членистое тело над водой.

И когда кончились на борту снаряды и пулеметные диски, был отдан приказ отходить.

Ночью, такой тревожной ночью, когда на берегу лязгали гусеницами танки и освещали мгновенным зыбким светом фар дол, кусты, воду, Олег не спал, жил прошлым боем, жил новым боем. И слышал изредка птичий посвист пуль. Рано утром снова пошли катера в атаку, пошли полным ходом, и, когда от дружных залпов пушек рухнула переправа, бронекатер БК-92 одним из первых прошел над потопленными обломками переправы, над потопленными машинами и чьими-то ненавистными жизнями на новый, отвоеванный водный плацдарм, и Олег увидел на воде разный сор: размокшие пачки папирос, пилотки, неотправленные конверты.

2

Здесь же, неподалеку от потопленной переправы, у левого берега Березины сошлись катера.

На левом берегу уже курились разгорающиеся костры, уже чистили моряки выловленную оглушенную рыбу. Олег посмотрел на притихших, утомленных моряков, взял маленькую шлюпку и направился к тому, правому берегу, загребая широко и сильно. Уж очень хотелось ему взглянуть на тот, вчерашний берег, который встречал катера таким густым огнем. Все там, должно быть, изрыто, искромсано!

Вода всплескивала под веслами, сеялась с них дождем, когда весла делали взмах над водою, и таким ласковым был этот плеск. И приятно было откидываться назад спиной, приятно было ощущать жар в ладонях и слышать, как наползает шлюпка острой грудью на мокрый береговой песок. С каким-то наждачным звуком проскрипела шлюпка о берег.

Тишию встретил его правый берег, и Олег осторожно пошел по зарослям, готовый опять услышать пулеметную трескотню, но трещал под ногами лишь валежник. Попадали под ноги стреляные гильзы, еще хранившие пороховой дух. Олег швырял эти пустые гильзы, летевшие теперь с безопасным посвистыванием. И всюду открывались взгляду окопчики, всюду были следы кованых ботинок.

Олег продирался через лозняк, брел наугад, в тот самый миг, когда показалось ему, что он ушел наконец-то из вчерашнего боя, ушел от грохота, воя, лязга — от всего того кошмара, — открылась перед ним полянка.

Олег оцепенел на секунду, внезапно он увидел фашистов; их было наверняка больше сотни, многие из них лежали или сидели, оружие их было в общей груде.

«Откуда они?» — поразился Олег. Ему захотелось исчезнуть, слиться с землей. Ему даже показалось, что вот этот высокий немец, лежавший на боку, скользнул взглядом по нему,

Олегу. Все в нем обмерло, и еще секунду Олег медлил: то ли падать ниц, то ли мчаться назад, к реке? Но куда бежать? И шагу не ступишь, как этот фашист схватит автомат и полоснет вслед...

Все же бросился Олег на землю, замер, уткнувшись лицом в траву, чувствуя, как отчаянно застучало сердце. И так, не поднимая головы, он лежал с минуту, ожидая треска автоматов, но было тихо. Значит, не заметили его фашисты, не слышали, как бросился он на землю.

Подними же голову, юнга, взгляни на врага!

И поднял он голову, и увидел он врага.

Немцы по-прежнему лежали или сидели, изредка доносились отдельные слова чужой речи, и теперь можно было подробнее разглядеть чужеземцев, которые непонятно почему расположились здесь, вблизи наших позиций, здесь, где они почти в плену.

«А если и вправду всех их в плен?» — смело подумал он и, уже не прогоняя этой смелой мысли, внимательным взглядом окинул вражеское становье. Да, немцы лежали или сидели, а оружие их было в общей груде, и если кинуться отсюда, из кустов, как из засады, если схватить немецкий автомат в руки.., Нет, это почти невозможно! Тотчас же кто-нибудь из фашистов вскинет парабеллум, едва окажешься перед ними. Но и не лежать же так в кустах, пока кто-нибудь из них направится сюда!

Вставай же, юнга, не медли, юнга!

Но еще некоторое мгновение он оставался лежать, раздумывая о том, как много их здесь, и о том, как хорошо было бы, если бы вдруг нагрянули сюда моряки. Как шквал налетели бы они на врагов! Но несбыточно все это было, и надо самому решать, как быть.

«Вставай же, юнга, не медли, юнга!» — приказал он себе, и уже не казалось страшным выходить одному против сотни. Нет, не мог он таиться в кустах. Фашисты, быть может, выжидали ту минуту, когда смогут открыть огонь по нашим катерам. И уже не стоило раздумывать над тем, что одна-единственная пуля сможет сразить его, едва он поднимется, а главное вот это: напрячься, вскочить и первым оказаться у груды оружия...

Вставай же, юнга, не медли, юнга! И вот он бросился к оружию, схватил автомат и резким, непривычным голосом крикнул:

— Хенде хох!

Потом ему будет смешно, что вырвались у него эти слова, которые он произнес так властно, будто произносил не в первый раз, будто уже сотнями брал в плен гитлеровцев, приказывая им на немецком языке: «Хенде хох!» Потом он будет удивляться тому, как властный его окрик поднял опешивших немцев с земли и заставил их поднять руки; будет удивляться, что пришли на память единственны эти слова: «Хенде хох!» — хотя лишь потом узнает истинный их смысл и убедится, что только эти слова и должен он был произнести, стоя перед немцами с направленным на них автоматом.

Они все не опускали рук, плененные эти немцы, но каждый миг могли опустить, могли броситься к оружию, и Олег, сознавая это, дал устрашающую автоматную очередь в воздух, и эта очередь прибавила ему отваги.

Затем он снова прошил воздух внушительной очередью. Быть не могло, чтоб не услышали его выстрелов, его голоса Чернозубов, Насыров, отец, Григоранти, Тихонов!

Почти невероятно это было: вот он с чужим автоматом стоит перед опешившими немцами, и никто не стреляет по нему, никто не пытается бежать. Суживая зрачки, чтоб не видели немцы его волнения, он ожидал каждое мгновение, что кто-нибудь из гитлеровцев, хотя бы этот высокий, сумрачный, с такими тяжелыми кулаками, бросится на него и он, Олег, будет отстреливаться, он немало положит их на землю, прежде чем убьют его. Он так рискованно вышел против сотни, но и теперь, сознавая опасность своего положения, он все равно знал, что только так и должен поступать моряк.

А за спиной не было слышно голосов, шагов тех, кто спешит на помощь, и так томительна, так напряжена была каждая секунда. «Сейчас подоспевают. Сейчас!» — говорил себе

мысленно Олег, и вслушивался, и не отводил взгляда от пленных, давая короткие очереди из автомата.

Потом, немного погодя, Чернозубов расскажет ему, что они с Григоранти, как только послышались выстрелы, тут же вскочили в полуглиссер, стоявший у борта БК-92, и устремились к правому берегу, выпрыгнули на берег и полезли через кусты, и хорошо, что он, Олег стрелял и кричал.

И как только оказались Чернозубов и Григоранти рядом, как только они взяли на прицел своих автоматов врагов, понял Олег, что теперь не так страшно стоять перед гитлеровцами. Теперь он не один против сотни! Нет, и не сотня была их здесь, а больше, и Олег прикидывал на взгляд, сколько их собралось на поляне этой, и уже спокойнее мог разглядеть растерянные и злобные лица пленников.

Подоспели моряки с других катеров и стали отбирать оружие у фашистов и бросать с лязгом в железную груду, а Олег все не отводил автоматного дула от пленной толпы.

А потом Чернозубов на виду у всех обнял Олега за плечи и сказал торопливо, с волнением:

— Ну, Олег! Ну, мальчик! Один против целого войска! — И прижал к себе мужскими крепкими руками.

3

Он, конечно же, понимал, что было бы нелегко взять в плен гитлеровскую сотню, не будь рядом бронекатера, если бы не пугала немцев близость наших позиций, но все-таки и теперь, утром, когда все минуло и можно спокойнее подумать о происшедшем, Олегу все представлялось, как могли фашисты броситься к оружию, могли сразить его пистолетным выстрелом. Нет, думал он тут же, не могло такого быть, потому что стоял перед ними вооруженный моряк и приказывал таким властным голосом: «Хенде хок!» — словно были за его спиной, в зарослях, другие моряки и словно уже не первый раз он, маленький моряк, берет в плен захватчиков.

Скланки пробили на палубе, и Олег мгновенно вскочил на ноги, поправил тельняшку, надел форму. Шумно стало в каютах, в кубрике от шагов, от голосов, матросы смотрели на него восхищенными глазами, улыбались, кто-то положил на плечо руку: ай да юнга!

Когда построилась вся команда на палубе, когда занял Олег свое место на левом фланге, вахтенный Тихонов доложил командиру:

— Товарищ лейтенант, команда бронекатера 92 построена к подъему флага.

Командир поздоровался и, выйдя на середину, скомандовал:

— На флаг — смирно! Флаг поднять!

И поднес руку к козырьку, отдавая честь знамени, а моряки замерли, держа равнение.

Флаг с тихим шелестом потянулся кверху, Олег смотрел на военно-морской флаг, и так волновали его эти минуты подъема флага, так остро чувствовал он, что вот опять готов катер к походу, к бою...

— Гвардии юнга Ольховский! — вызвал вдруг командир, и Олег ступил шаг вперед.

— За отвагу представляю к правительенной награде, — торжественно произнес командир.

И так непривычно было слышать напряженный своей торжественности этот голос, и даже не поверилось, что это его, Олега, представляют к ордену.

— Служу Советскому Союзу! — четко ответил Олег.

А Чернозубов взял в руки поданный ему вахтенным вчераший автомат, тот самый, который схватил Олег там, на поляне, и которым держал на месте пленных фашистов; взял Чернозубов трофейный автомат и добавил:

— Дарю это оружие.

Оставшись на палубе с отцом, Олег снял автомат и дал подержать отцу. Тот придирчиво смотрел на оружие, представляя, наверное, поляну, опешивших немцев и сына с этим самым автоматом...

— Рожки нужны запасные, — сказал отец.

— Ага! Я уже думал. Надо поискать, пока не поздно.

— Если на берег, то и я с тобой.

— В отцовом голосе была просьба, и странно Олегу слышать было незнакомую интонацию в родном батином голосе, и Олег сразу понял, отчего не хочется отцу отпускать его одного на берег, в те самые заросли.

— Погоди! — спохватился Олег. — А может, на катерах, среди трофеев найдем? Я сейчас!

И он метнулся в рулевую рубку, достал из сигнального столика фляжки и принялся спрашивать на безгласном языке движений, есть ли где-нибудь на катерах рожки к немецкому автомату.

— Идем! — окликнул он отца, и они сошли в шлюпку.

Олег взял в руки весла, направил шлюпку к стоявшим поблизости катерам. Автомат у него раскачивался на груди, и, чтобы он не мешал грести, Олег перекинул его за спину.

Отец сидел лицом к нему, и Олег чувствовал, что отец так рад за него и гордится им. Да, ведь и он, Олег, в те довоенные времена хранил бережно отцовы награды и ту грамоту, которой отец был отмечен за рейс в составе команды ледокола «Красин». Да, он помнил и принимал в свое сердце чеканные строчки отцовой грамоты, а отец принял в свое сердце сегодняшние торжественные слова командира, и каждый из них имел на это право, данное родством и дружбой, и была в этом очень мудрая связь.

Они подгребали к борту то одного катера, то другого, и сверху им сбрасывали тяжелый рожок. Олег тотчас брал его, убеждался: подходит! Так у них набралось полдесятка запасных рожков, но этого было мало, и Олег спросил с улыбкой:

— А на берег все-таки сойдем? Вдруг повезет!

— Сойдем, Алька, — кивнул отец, и Олег почувствовал особую нежность к нему, такому сильному, сдержанному, но опасающемуся отпускать Олега одного на тот берег, где был добыт нечаянный трофей.

ПУЛИ ХЛЕЩУТ О БРОНЮ

1

Уже приближались катера к Бобруйску, и ждали моряков горячие бои. Чем выше по Березине, чем ближе к Бобруйску, тем чаще обстреливали немцы катера, тем привычнее становились налеты фашистских самолетов, и притерпелся Олег ко всему: и к пронзительному стону пикирующих самолетов, и к близким взрывам, когда огромный столб воды вырастает у самого форштевня, и к бормотанию пулеметов, тяжким вздохам артиллерии, и к зареву пожаров на берегах.

Уже были видны с реки заводские трубы и высокие здания Бобруйска. И вот краснофлотцам был отдан приказ поддержать советские части до подхода тяжелой артиллерии.

— Задача такая: прорваться к городу, подавить огневые точки противника, вызвать панику, — сказал Чернозубов, вернувшись из штаба дивизиона. — С нами пойдут БК-93 и БК-2. Всем по местам!

«Всем по местам» — это значит: мотористам — к машинам, комендору — в артиллерийскую башню, а ему, Олегу, — в пулеметную башню, к турельному пулемету. «Всем по местам» — это значит: прильни к прорези прицела, возьмись за рукоятку пулемета и будь каждую секунду начеку!

Еще прогревались моторы, еще стоял бронекатер у берега, а уже смотрел Олег в сторону Бобруйска, в сторону железнодорожного моста, уже ждал той минуты, когда припадет он надолго к пулемету.

Но едва устремились вверх по Березине, как железнодорожный мост на глазах у Олега подскочил в воздух, искривился, обнажив в страшном грохоте голые перебитые ребра свои, и все это — искореженное железо, фантастически изогнутые сваи, заломленные, на завитые волосы похожие рельсы — рухнуло в ахнувшие воды Березины, загромоздило фарватер.

Олег всматривался вперед, в железный хаос, преградивший дорогу, ждал нового приказа командира и надеялся, что рулевой отыщет удобную для узкого катера щель. И хотя не находилось свободного прозора на воде, все-таки надеялся, что катера не свернут с пути, пойдут на задание, и верил в необыкновенный, новый приказ командира.

Но вот шедший впереди БК-2 повернулся назад. Наверное, они разглядели, что нет никакой возможности прорваться сквозь железный затор, Олег тоже видел безнадежно-плотную щетину железа и все-таки верил в какой-нибудь случай, в решительность командира и в отважное умение рулевого.

Катер уже подходил к преграде, уже осталось слева по борту городское кладбище, и вдруг оно ожило, вдруг застучали отовсюду из-за оград, из-за гранитных плит фашистские пулеметы. Не дожидаясь команды, Олег приник к пулемету и застрочил короткими очередями. Пусть фашисты, залегшие на кладбищенской земле, так и не встанут с нее.

Свинец стучал о борт, о башни, а катер, маневрируя вдоль огненного берега, отвечал огнем пулеметов и орудия. И Олег стрелял по отдельным попадающим на прицел фашистам, стрелял и чувствовал, как удачны очереди, как падают подкошенные очередями фашисты. Олег засек укрепленную огневую точку, и умолк немецкий пулемет!

Но другие немецкие пулеметы не умолкали, сыпали и сыпали свинцовые пригоршни по броне. Броня укрывала моряков от пулеметной стрельбы, но перед снарядом не могла устоять.

Олег увидел, что немцы наводят в сторону реки противотанковое орудие, и перестал жалеть патроны, и долгими очередями заставил приникнуть к земле немцев, заставил быть безмолвным их орудие, но, как только немцы приподнимались, пыаясь открыть огонь, как только неосторожно выглядывали из-за орудийного щитка, их находила пулеметная очередь, и так все они, весь расчет, полегли у своего орудия, оставшегося безмолвным. Но чтобы никогда не смогло заговорить немецкое орудие, ахнула корабельная пушка и противотанковое орудие вскинулось, так что под ним затряслась земля, и откатилось, уже бесполезное, исковерканное взрывом.

Ленту за лентой менял юнга, и говорил, говорил, говорил в его руках пулемет, пока вдруг не оборвал скороговорку огненной речи. И Олег с досадой понял, что кончились патроны. А кладбище еще стреляло!

И тогда Олег вспомнил про трофейный автомат. Вытащив из гнезда накаленный пулемет, вставил вместо него автомат. И пули, посыпаемые трофейным оружием, отхватывали от гранита каменные крохи, высекали искру из железа оград, взметывали пепельный порошок земли.

2

Едва закончился бой, едва вновь воцарился на кладбище вечный покой, БК-92 получил новое задание: переправлять солдат с левого берега на правый. Орудийный гром уже слышался на улицах Бобруйска: бой с врагом шел там, на городских улицах. Враг не хотел отступать, он обстреливал реку, и так нелегко было под огнем брать солдат на борт, под огнем идти к огненному правому берегу.

Катер подошел к берегу, Олег тут же бросил трап и первый сбежал на песок. Солдаты, тесня друг друга, прыгали на песок, звякая котелками, оружием, и бежали, пригнувшись, вперед.

И как только опустел катер, Олег убрал трап и ушел в рубку, занял свое место рядом с командиром и рулевым. Но вот рулевой Тихонов, смахивая пот со лба, отступил в сторону, и Олег положил руки на штурвал. Катер снова двинулся к левому берегу. Солдаты следили за берега за приближающимся катером, и солнце высвечивало звездочки на пилотках и медали на гимнастерках.

Олег опять соскочил на берег и снова стал торопить солдат. «Скорее, скорее, солдаты!.. Скорее, скорее, солдаты!» — подгонял их мысленно Олег.

Но вот и этих бойцов катер доставил на огненный берег, и они ушли в бой, и Олег посматривал вслед им, казавшимся сутулыми от скаток, а затем снова убрал трап, чтобы через несколько минут опять соединить трапом землю и палубу, опять торопить солдат.

Больше десятка рейсов сделал катер под огнем, чтобы переправить солдат туда, где разгорался бой, но ведь и здесь, на реке, не прекращался огонь. Внезапно вспыхнуло пламя на штабном катерке.

— Полный вперед к штабному катеру! — тотчас скомандовал Чернозубов, и БК-92 устремился к пылающему судну.

И когда экипаж горящего катера перебрался на борт БК-92, Олег увидел командира дивизиона капитана третьего ранга Пескова, увидел его потное, потемневшее от гари лицо. Очень сумрачным было лицо комдива, но, как только встретился он взглядом с Олегом, словно бы просветлел на миг.

— А, юнга!

И больше ничего не произнес комдив, но догадался Олег, что о нем комдив знает не меньше, чем командир Чернозубов или комендатор Насыров, и дорого было все это Олегу, и так признателен он был капитану Пескову в трудную эту минуту, когда неутихающим прибоем доносило из города канонаду, когда забивало горло смрадным черным дымом.

3

Там, в городе, не прекращалась стрельба, хотя вечерние сумерки уже ложились на реку и первые латунные звездочки замерцали сквозь закопченную высь. Как бы стремясь достичнуть этих звезд, иногда устремлялась вверх накаляющаяся ракета и отражалась в вечерних водах реки махровым маковым цветом, и гасла, и потемки в это мгновение словно бы сгущались вдруг.

Катер стоял у самого берега, маскируемый сумерками, но его надо было замаскировать по-настоящему, и Олег рубил лозу, откидывал ее в сторону, а затем понес охапку шелестящей, горьковато пахнущей лозы на палубу. Моряки устилали палубу зеленью, камуфлировали боевые башни, пулеметные стволы. Олег еще сошел на берег, в заросли, еще нарубил молодой лозы, которая превратит катер в зеленый островок.

Ночью ему не спалось в душном кубрике, он вышел на палубу, под тихое, совсем не военное небо, и посмотрел в сторону города, где отдыхала война, поговорил с вахтенным. А ночь в июне коротка, словно взмах птичьего крыла, и в свете начинающегося дня уже совсем не хочется спать.

Все-таки немного он вздрогнул, хотя и сквозь этот зыбкий сон слышал соловьиное неистовство, но пробудился не от трелей соловья, а от блуждающего в утренней выси самолетного гула.

Вахтенных словно сдуло с корабельных палуб: летала над закамуфлированными катерами вражеская «рама» — разведывательный самолет, и можно было ожидать, что сейчас эта «рама» приведет бомбардировщики. Уж очень упорно кружил странный этот двухфюзеляжный самолет над палубами в зеленой неувядаемой лозе!

На БК-92 уже все были на местах, все отрешились от сна, все поглядывали в тревоге на небо: не появится ли вновь нелепый вражеский самолет?

Армейская разведка перехватила радиограмму, переданную открытым текстом, и уже стало ясно, что «рама» засекла у берега замаскированные корабли.

И как только был отдан приказ отходить, как только двинулись укрытые зеленью катера, с грозным гулом появились истребители над рекой.

Олег со стиснутыми зубами слушал этот надсадный вой заходящих в пике самолетов. Катер был открыт для ударов с неба.

— Будем петлять по воде! — распорядился Чернозубов, и рулевой Тихонов молча кивнул.

Понимал Олег, что только умение рулевого убережет катер от гибели, уведет из-под огня.

Катер пошел вниз по реке, потом развернулся и направился полным ходом вверх по реке, и, как только очередь ударила градом по броневой обшивке, катер вновь изменил направление, и сверху, наверное, нелегко было на прицел брать петляющий стремительный зеленый островок. И остальные катера петляли, уходя из-под обстрела пикирующих истребителей.

Олег не мог спокойно видеть выходящий из пике самолет и брался за рукоятку пулемета, строчил, пытаясь достать очередью пулемета вражеский самолет, хотя и было это безнадежно. И все-таки увереннее чувствовал себя Олег, если катер не молчал, если катер отвечал огнем: это было похоже на бой.

Все с нетерпением ждали залпов нашей артиллерии, ждали той минуты, когда появятся в небе краснозвездные истребители!

4

Когда вошли они с отцом в Бобруйск, когда ступили на эти чадные улицы, где недавно гремел бой и танки штурмовали каждую пядь улиц, Олег невольно покрепче прижал к груди автомат. Все еще дышало в освобожденном городе недавним боем: эти израненные пустые дома, за выбитыми стеклами которых видны были растущие внутри цветники ленивого огня; эти завалившиеся набок, сплюснутые взрывами штабные «виллисы»; бешеная лошадь, которая мчалась, распугивая солдат, с непереносимо-ликующим ржанием, мчалась мимо рычащих танков, мимо столбенеющих людей и, наверное, по всему городу пронеслась бы в диком аллюре, если бы короткая автоматная очередь не прервала ее катастрофический бег.

И Олег, пораженный бегом лошади и ее гибелю, вновь ощутил яростную ненависть к фашистам, которые еще несколько часов назад жгли и разрушали город; и ненависть его была сродни тому состоянию, когда кружила стая клейменных свастикой самолетов над петлявшим в водах Березины катером, а корабль не мог ответить огнем. И вот теперь, шагая по усеянному щебенкой и кирпичным крошевом тротуару, видя всюду разрушение, лепестки огня внутри разрушенных домов, он испытал мстительное желание убивать убийц. И потому крепче прижал к груди автомат, точно готов был открыть огонь.

Но уже несколько часов не было в Бобруйске фашистов, уже несколько часов гремели сапогами по булыжнику мостовых наши бойцы, отвоевавшие город; они шли дальше, через весь город, на запад, преследуя оставившего город врага, и двигались туда же, на запад, танки с открытыми люками, автомашины, самоходки, бронетранспортеры.

У здания, над крыльцом которого свисал флаг с алым крестом, Олег с отцом остановились, и Олег с тоской посмотрел на окна, уцелевшие или зала тайные наскоро фанерой, и что-то подсказало ему, что здесь была когда-то школа. И он вспомнил о своей ленинградской школе на Курляндской улице, и опять таким радужным представилось ему далекое довоенное детство. И, улыбнувшись, он вообразил уже другое, скорое время, когда вернется в Ленинград, пойдет, задыхаясь от счастья, по Курляндской улице, взбежит на третий этаж, в учительскую, в этой моряцкой своей форме, при широком ремне с бляхой, при ордене, с зажатой в руке бескозыркой! Это будет, обязательно будет: встреча с Курляндской улицей, со школой, и радость возвращения, и боль утрат!

— Петр Ефимович! Алька!

Олег вздрогнул от неожиданности и повернулся встреможенно, увидел вспотевшего Насырова, который тяжело дышал, переводя дух от быстрой ходьбы.

— По всему Бобруйску бегаю, вас ищу. Скорее на корабль! — все тем же резким голосом выпалил Насыров.

И Олег с отцом молча поспешили за Насыровым. Комендор тоже помалкивал, и лишь на корабле, когда Чернозубов пояснил им, что дан срочный приказ опять идти на Припять, — лишь на корабле Насыров уже спокойнее сказал:

— Вот помнишь: ты говорил, что фронт на Припяти, а почему идем мы на Березину? А я тебе говорил: главный фронт на Березине. А теперь он опять на Припяти, самый главный фронт. Понимаешь, Алька?

— Понимаю, дядя Набиулла, отозвался Олег. — Где нужны моряки, там и есть главный фронт!

«Да! — подумал он с каким-то тревожным предчувствием. — Опять по Березине, потом по Днепру, потом по Припяти. Опять идем на Припять! Там главный наш фронт, и мы идем туда. Так надо!»

Если дан приказ, моряки не мешкают, моряки выполняют приказ, и вот уже снялись бронекатера с якорем, тронулись вниз по Березине, и Олег, став на вахту, все оглядывался назад, на отплывающий и уже не грозящий огнем город, на его правый берег, где не было, наверное, ни одного вершка земли, не вскопанного пулей или осколком. И очень пристально смотрел Олег на место памятного своего боя — на это кладбище, такое тихое теперь. Оно отплыло, кладбище, и пропало за излукой, вскоре исчезли и зеленые волны кладбищенской рощи, а все еще держался Олег за леера так цепко, точно рукоятку пулемета удерживал...

Уже немного знакомые ему берега потянулись мимо. Олег примечал взглядом и хаты на бугре, и аистов, пролетающих над рекой, и рослые неубранные травы в лугах; и все было немного знакомо здесь, на мирной земле, и только непривычно было видеть на берегу женщину с косою в руках. Женщина в длинной сборчатой ситцевой юбке и белом ситцевом платочке, повязанном шалашиком, широкими взмахами косы рушила высокую траву, и так удивительно было смотреть на сноровистую женщину и знать, что поет, поет коса в спелых травах, где еще совсем недавно пели пули. На миг женщина оставила работу, из-под руки взглянула на реку и снова склонила голову к траве.

И Олег подумал, что теперь, наверное, и другие женщины с других берегов, оставив на минуту свое дело, будут застывать в напряжении и следить неотрывно за военными катерами.

Будут мирные берега, будут женщины на этих засоренных долгожданной тишиною берегах, будут сады и лозы с привядшей, подсохшей от пожаров и зноя листвой, и будет город Речица на круче, густой, тесный от вековых деревьев парк и мальчик в этом парке, приехавший в Речицу на ягоды и яблоки, еще не оправившийся от голодного своего помешательства. Ему, своему земляку, который каждый день ходит в парк и оттуда смотрит на Днепр, Олег помашет рукою — привет, ленинградец, привет!

5

Потом он снова видел в лугах, тянувшихся вдоль белорусских рек, их, косарей-женщин, видел свежие стога, наметанные руками, и уже всюду по берегам вставали стога, стога, стога, похожие на странные избушки. Женщины, ходившие по опустевшему долу, и вправду посматривали вслед катерам, иногда взмахивали косынками, и следили за катерами, пока не скроются они за поворотом реки; а песен, голосов женских не было слышно, точно онемели деревенские бабы за войну.

Тешили взгляд широкие пойменные просторы, дубовые рощи, песчаные косогоры, стремительные стрижи, носящиеся над водой и вдруг влетающие в отвесную береговую стену, в свои глубокие гнезда-норы, и хотя катер шел почти без остановок, шел полным ходом, было время подумать о себе в этом походе. Было о чем подумать Олегу!

В школьные годы каждый настоящий мальчишка мечтает быть летчиком или моряком, об этом же мечтал и Олег, ожидая из плаваний отца, воображая по ночам себя полярником и засыпая на полу, на шкуре арктического зверя, мечтал он стать моряком — и стал моряком,

военным моряком. Тогда, в школьные годы, он бредил не военными походами, а судьбой отважного исследователя, судьбой Нансена или Папанина, но все повернулось по-иному, и если стал он юнгой, военным моряком, то можно, пожалуй, считать, что это начало его больших морских плаваний. Все еще впереди: плавания, открытия, какой-нибудь длительный дрейф во льдах! И может, придется им с отцом, как теперь, быть на одном корабле, делить один сухарь, читать одно письмо, пришедшее из дома... Ведь все у них было с отцом на двоих, и если тогда, до войны, отец один уходил в плавание, то и Олег всеми думами своими был с ним; а потом они действительно пошли в совместное плавание на торговом судне «Пионер»; потом началась война, отец ушел воевать, но каждую минуту мысленно с ним вместе был и он, Олег; и потому, что он так неразлучен был в своих думах с отцом, потому и произошла их встреча, потому и свела их судьба на один корабль. Всегда они с отцом на одном корабле, и пускай бы потом всю жизнь ходили вместе в походы и делили последний сухарь, и пускай бы пронеслось, не коснулось бы никого из двоих то, что видели они на бобруйской улице: госпиталь, флаг с красным крестом и санитары, выносящие раненых моряков из машины...

Так размышлял он в этом стремительном, безостановочном походе, когда все новые зеленые горизонты открывались его взгляду; и уже позади остался город Речица, парк на круче и мальчик из блокадного Ленинграда. И Олег все-таки помахал рукою с палубы, хотя и не видел там, на круче, никакого мальчика.

В несколько дней катера закончили тысячекилометровый переход, и вблизи городка Лунинца опять вышли на линию фронта: привычный гром орудий, привычное пришепетывание летящих мин, взрывы, стоны, ржание раненых лошадей. Откуда-то из тишины, из покоя речных просторов они опять вошли в пекло войны!

И когда был получен приказ поддержать огнем с реки наступление красноармейцев, когда направился катер в сторону Лунинца, Олег снова занял свое место в пулеметной башне, чуть повыше рулевой рубки.

И вот, стреляя по фашистам, окопавшимся на лунинецком берегу, он вдруг понял, что уже бестрепетно, с методическим упорством ловит на прицел залегшие или перебегающие серо-зеленые фигуры и косит их, и они падают, как падали там, на бобруйском кладбище; и он не удивился тому, что пришло к нему мужество бойца.

Едва выбили немцев из городка, едва ступили на берег, Олег пошел разыскивать среди трофеиного оружия рожки к своему автомату и очень порадовался удаче: опять готов автомат к стрельбе! А командир Чернозубов обрадовался другим, как будто негодным для моряка трофеям — мотоциклам, которыми запружен был берег. Чернозубов завел один из них, обернулся и кивнул Олегу:

— Садись!

И не успел Олег оказаться в коляске мотоцикла, как рванулись они с места, потянув за колесами пыльную завесу, и покатили по городку, по его песчаным улицам.

— Ну как, держишься? — крикнул Чернозубов сквозь мотоциклетный стрекот.

— Еще бы! — крикнул в ответ Олег, любуясь ловким, красиво сидящим в резиновом седле командиром и поглядывая на него сбоку, как он щурит глаза от встречного ветра, как слегка задирает белое юношеское лицо.

Олег приподнялся в коляске, напор ветра повалил его, но Олег опять приподнялся и прокричал командиру:

— Вам не кажется, Игорь Алексеевич, что мы сейчас в другой город ворвемся? Что мы зайдем другой город?

— Не кажется, Алька! — покачал головой Чернозубов. — Следующий город — Пинск, там укрепления, полно фашистов... И он тоже на Припяти. Пина и Припять там сливаются. Пина и Припять — слышишь?

И Олег, трясясь в коляске, ловя громкие и все же как бы разорванные слова командира, спросил громко:

— А как, большой Пинск? Большой, спрашиваю, Пинск?

— Как Бобруйск! Наверное, как Бобруйск!

Услышав это, Олег откинулся на спинку сиденья, и что-то смутное, тревожное коснулось его сердца, едва представил он чадные бобруйские улицы, обезумевшую лошадь с ощеренной мордой, промчавшуюся мимо танков и самоходок, мимо одноэтажных каменных домов с выбитыми окнами, в пустующих комнатах которых все еще покачивались алые растеньица огня, и мимо того школьного здания, оборудованного под временный госпиталь, к которому подъехала санитарная машина и которое осеняло всех приспущенными своим флагом с крестом милосердия.

ГОРОД ПРОПИСКИ ВЕЧНОЙ

1

Пинск был на той, вражеской стороне, в двадцати километрах отсюда, от линии фронта, и Олег, оставшись на ночном берегу, все вглядывался во мрак, где терялись черные полированные воды Припяти, вглядывался в те незримые ночные дали, куда ушли бронекатера, ушел БК-92 с десантом на борту. И напрасно Олег напрягал слух, стараясь уловить знакомый шум моторов; никаких звуков не приносила ему ночь, потому что ушли катера, включив моторы на подводный выхлоп. Нынешней непроглядной июльской ночью подойдут катера к Пинску, высадят десант, который должен штурмовать город, и закипит на пинских берегах бой. И вздрагивал Олег, воображая атаку десантников, стрельбу, грохот рвущихся гранат, и все вытягивался, все посматривал в ту сторону, где лежал за ночною далью Пинск, и чувствовал себя страшно обиженным.

Ну зачем оставили его стеречь на безопасном берегу матросское добро, стеречь эти трофеиные мотоциклы? Зачем он не там, на своем месте в пулеметной башне, зачем он не на борту корабля, вместе с десантниками?

По скрипучему песку принял он вышагивать взад-вперед, раздумывая с досадой о том, что это очень рискованно — пройти во вражеский тыл и высадить там десант и что поэтому решили поберечь его, Олега, и оставили здесь, в безопасности. Нет, Олег не мог себе простить того, что не настоял, что не попросил решительнее командира, чтоб позволили ему остаться на борту. Ведь они с отцом всегда на одном корабле. Всегда!

Но потом подумал Олег, что командир мог и рассердиться на него, Олега, и недружелюбным, резким тоном повторить приказ, и ничего бы с этим не поделал Олег, потому что он военный человек и должен подчиняться приказу.

И вот стой в夜里 возле матросского бара, расхаживай туда-сюда по скрипучему песку, вслушивайся в безмолвие и замирай, и снова броди неусыпно, и знай: без тебя подойдет катер к Пинску, без тебя.

Он лишь мог воображать высадку десанта, атаку, бой...

Без него подойдет катер к Пинску, а когда возвратится сюда, моряки расскажут ему коротко обо всем, и он увидит, представит все, что происходило там, на пинском берегу... Он мысленно увидит все это!

А пока без него подходил катер к Пинску, подходил не со стороны Пины, на которой стоял город, а со стороны сливающейся с нею Припяти, и командир Чернозубов понимал, что появление их со стороны черной, не отмеченной бакенами и перевальных огнями Припяти будет неожиданным для немцев.

Призрачный, бесшумно двигающийся катер внезапно появился у темного пинского берега, и вдруг где-то там, на берегу, на набережной, взорвалась бочка с горючим и заполыхала, далеко кидая отсветы буйного пламени. И десантники прыгали с борта прямо в воду, тут же бежали вперед, в отсвете пламени десантникам хорошо были видны немецкие рубежи.

— Отойти к противоположному берегу! — скомандовал Чернозубов, и опустевший катер двинулся к противоположному берегу, чтобы огнем поддержать с выгодной позиции наших десантников, если начнется бой.

И лишь когда залегли десантники несметными рядами на берегу, чтобы через минуту-другую ринуться в атаку, ударили сильный, густой огонь от деревни Пинковичи. Застучали пулеметы, но было уже поздно, потому что весь десант оказался на чужом берегу, а бронекатера отошли.

По вражеским огневым точкам ударили пушки с кораблей: сначала Насыров послал снаряд, еще снаряд, потом другие комендоры повели прицельный, точный огонь. И вскоре замолчали огневые точки в Пинковичах, лишь слышна была перестрелка на городском берегу: это наступали немцы, пытаясь оттеснить десантников к реке, а десантники отражали атаки, удерживая в своих руках захваченный берег. Нет, десантники цепко удерживали занятый берег, но для штурма нужны были подкрепления, и командир Чернозубов решил тут же идти назад, за новым пополнением.

Такая горячая выдалась эта июльская ночь!

Олег же ничего этого не видел, беспокойно расхаживая по скрипучему песку, подходил к сидящим на земле, и дремлющим солдатам, прислушивался к разговору; вспомнил, как совсем недавно моряки поздравляли его, Олега, с пятнадцатилетием и пили за его здоровье по махонькой чарке водки. «За тебя, моряк! — говорили они. — За твои, брат, походы и подвиги!» И такие веселые у всех были глаза, такой кирпичный загар лежал на добрых лицах... «За тебя, моряк, за твою удачу!»

Вспоминая недавнее празднество, Олег с нетерпением ожидал возвращения моряков, и, когда под утро, уже на рассвете, пригнал волну БК-92 и ступили на трап свои, родные моряки-днепровцы, Олег бросился к ним, каждого желая взять за руку и проводить по трапу на землю.

— Ну как? Ну все хорошо? — спрашивал он каждого, хотя и без того видел, что катер возвратился целехонький, без новых пробоин.

И вот тут-то отец рассказал ему, как высадился десант, как бросились бойцы на берег, как хорошо были видны освещенные огнем полыхающей бочки вражеские укрепления, как были подавлены все огневые точки в Пинковичах.

Все, что произошло ночью там, на подступах к Пинску, Олег восстанавливал заново и видел так отчетливо, точно сам вернулся оттуда, из рискованного десанта. А командир Чернозубов уже докладывал комдиву Пескову о том, что задание выполнено и что команда просит разрешить доставить в Пинск подкрепление десантникам.

И комдив, выслушав Чернозубова, коротко распорядился:

— Берите сто двадцать человек и следуйте в Пинск.

Когда понял Олег, что сейчас опять отправится катер туда, где на пинском берегу сражаются десантники, где отчаянно дерутся они за свою, за кровную землю, тут же решил откозырять комдиву и убедить необыкновенными, умными словами, что сейчас только на борту корабля место ему, военному человеку, юнге. И военный человек капитан третьего ранга должен был понять военного человека юнгу.

2

Но не стал Олег досаждать своей просьбой комдиву, а принял упрашивать отца и Чернозубова, чтобы взяли его на корабль, чтобы позволили занять место у турельного пулемета. Он так искренне просил и так тосковали при этом его серые глаза, что отец и Чернозубов лишь растерянно переглянулись.

— Да вы же знаете, что все огневые точки в Пинковичах подавлены! — в сердцах воскликнул он.

Отец хмуро усмехнулся, но все-таки промолчал и красноречиво, с выжиданием обратил взгляд на командира.

И Олег почувствовал, что вот сейчас оба они должны согласиться взять его. Да и не могло быть иначе, и было бы удивительно несправедливо, если бы опять оставили его при барахлишке!

— Сюда, товарищи, в каюты и в кубрик! — стал он тут же помогать десантникам разместиться на борту.

Катер не прошел и пяти километров, как различил Олег в смотровую щель другие бронекатера, стоявшие у берега, моряков на берегу и среди них морского офицера.

— Начальник штаба бригады Зинин, — вслух произнес Чернозубов, узнавая офицера.

Странно, почему стоят катера? И тут с берега подали сигнал подойти катеру поближе, катер изменил направление, и, когда он уже готов был уткнуться в приблизившуюся береговую твердь, Зинин приказал с берега: — Следуйте головным, остальные катера пойдут за вами. И грозным однокильватерным строем устремились к Пинску катера, и так гордился Олег, что БК-92 идет головным, и тревожился, что там, на пинском берегу, первым примет бой ведущий, головной катер...

Совсем посветлело на воде, уж выглянул на востоке апельсиновый край солнечного диска, и вот тут-то пробилась сквозь шум рассекаемой воды перестрелка на пинском берегу, и когда увидел Олег на здешнем, пока безопасном берегу двух матросов, тащивших раненого, когда за речным поворотом вдруг предстал перед глазами сидевший на мели и пылавший БК-2, то подумалось ему, что и это уже не безопасный берег, что и это зона огня, стрельбы, смерти. С гнетущим чувством тревоги смотрел он на этот неподвижный, охваченный пламенем корабль, который как бы грозил воспламенить равнодушную воду, и руки Олега невольно охватывали покрепче рукоятку пулемета, и все ему говорило о том, что надо быть начеку. Он знал, что сначала надо будет высадить десант, а потом прикрыть его огнем, но знал также, что немцы могут открыть стрельбу по катеру и не дать продвинуться к берегу, и потому был начеку.

Но молчали немецкие позиции, когда катер приближался к рощице на плоскогорье, к зданиям Пинска, к этим прибрежным улицам. Едва же ткнулся он форштевнем в берег, как сильный взрыв содрогнул рулевую рубку, наполнил грохотом, чадом, полоснул Олега по ногам жаркой воздушной волной, и Олег, услышав этот жуткий взрыв в рулевой рубке, успел заметить или угадать, что это оттуда, из белой береговой будки, похожей на станционную, из проломленного ее окна вылетел смертоносный заряд.

Взрыв разметал всех, кто стоял секунду назад в рубке, взрывом снесло и дверцу рубки; Олег бросил взгляд на поврежденные тела, которые застилало едкой какой-то пылью, его словно ударило током, когда увидел он в этой пыли, в этой черной завесе отца, лежавшего в набухавшем вишневой влагой кителе навзничь в потрясающе спокойной позе.

И в эту долю секунды новый удар потряс корабль, что-то ухнуло внизу, в артиллерийской башне, что-то начало рваться там ступенчато, многослойно, оттуда поволокся кочегарный дым, и Олег успел подумать, что это сдетонировали, наверное, запасы тола.

Он уже строчил, стрелял из пулемета по той будке, похожей на станционную, по тому гибельному зеву проломленного окна, но пробивали корабельную броню вражеские снаряды, и огонь охватывал исковерканное снарядами тело корабля.

И все же отсюда, из пламени, летели по немцам очереди, очереди, все же бился в руках Олега пулемет.

А потом снаряд пробил пулеметную башню, и стало мрачно, как в подземелье.

Сколько времени Олег пролежал в беспамятстве, он не знал. Но когда приподнялся с тяжелой, гудящей головой, руки сами потянулись к оружию, он снова приприник к затыльнику пулемета. Оттуда, с берега, по-прежнему били по кораблю.

Олег окинул взглядом рубку, отец лежал все так же неподвижно, и все в нем опять крикнуло немым, протестующим криком. На катере уже не было ни моряков, ни десантников.

«Наверное, они все на берегу», — подумалось Олегу. Там, на берегу, они занимают позиции. Где-то среди тех, кто залег на берегу, и командир Чернозубов, и если нет командира на катере, то будет командиром он сам, Олег, будет до конца отстаивать израненный катер.

Олег выжидал, не стрелял, чтобы показался немцам безжизненным горящим катером. А на берегу разгорелся бой, и фашисты оставили в покое катер, фашисты отстреливались от наступающих десантников. Так отчетливо видел теперь Олег врагов, хотя временами и застилало глаза гарью. Бери оружие в руки, юнга!

На мгновение ему подумалось, что самое время спрыгнуть в воду и пробиться к берегу, к своим, но не мог он покинуть корабль теперь, не мог отойти от пулемета. И вот приник он к пулемету — и заговорил, заговорил на пылающем катере пулемет! Видел Олег, как падают под его очередями враги, и, задыхаясь в раскаленной рубке, уже твердо решил, что будет здесь, в рубке, до тех пор, пока не иссякнут ленты.

А с берега вновь стала бить по катеру самоходка, и новые снаряды корежили изрешеченную броню, и уже не смолкал упорный пулемет. Из огня вел Олег огонь по врагу!

«Ну вот сейчас, сейчас я уйду, — мысленно говорил Олег себе. — Сейчас, сейчас. Как только кончатся ленты». И, говоря так, он уже не верил, что сможет выбраться из пекла, сможет броситься в воду в тлеющей одежде своей. Потому что живет и сражается катер, пока остается на нем хоть один боец!

Но вот снова содрогнуло рубку от снарядного разрыва, сильно обожгло и толкнуло Олега в грудь — толкнуло куда-то опять в подземелье, в душную темноту... И словно лучик билась в мозгу последняя мысль, то угасая, то вспыхивая с новой силой.

3

«Прощай, мама!

Тот, кто погиб, остался на корабле, а кто был жив, пошел в атаку. Снова и снова поднимались десантники и моряки, шли на приступ, и опять залегали на берегу, и опять наступали — и так до тех пор, пока не были выбиты фашисты из Пинска.

Тот, кто погиб, остался на корабле. Отец, я, Насыров, Куликов, Михайлов, Триволь. Мы остались на палубе, мы не смогли сойти на берег. Мы с отцом всегда были на одном корабле...

Прощай, мама!

Я не ступил на этот берег, я не видел Пинска, не шагал по его улицам, помнившим бой, но пинская земля приютила нас в июле сорок четвертого года, и теперь этот город навсегда будет моим. Теперь мой вечный город турельного пулемета Пинск.

Дни середины июля были жаркие, солнечные, броня катера нагревалась нестерпимо, когда я шагал по ней босиком, и я тут же нырял через леерное ограждение, все еще чувствуя на пятках легкое жжение, нырял глубоко в воду, плыл с раскрытыми глазами под водой и видел мелькающих рыб, которые смотрели на меня. Потом, появляясь на поверхности, я хватал воздух, отплевывался и жутко таращил глаза, отец же посматривал с усмешкой на меня сверху, и когда я поднимался на катер, то оставлял влажные следы и поначалу не ощущал, насколько горяча палуба. Я все лето купался в минуту затишья, тело мое стало загорелым дочерна.

Ну, а дальнейшее ты знаешь: мы подошли к Пинску, мы высадили десант.

Прощай, мама! Прощай, прощай, прощай!»